

ВОТ ОН И СТАЛ НЕМНОЖКО СТАРОМОДНЫМ

Евгений Евтушенко совершает поездку по Сибири и Уралу

Григорий Заславский

Поэзия

В СЕНТЯБРЕ Евгений Евтушенко отправился в поездку по стране. Встречи с читателями намечены в Томске, Новосибирске, Барнауле, Екатеринбургe, Магнитогорске, Челябинске (возможно, и на станции Зима). Среди новосибирцев, *поддержавших русскую поэзию* (так поэт охарактеризовал приход и двухчасовое сидение в зале кинотеатра имени Маяковского нескольких сотен слушателей), был и я. Да и с какой же стати не поддержать мне русскую поэзию!

Вечер задержался минут на пятнадцать, но публика не бушевала и не требовала вернуть заплаченных за билеты денег. Евгений Евтушенко вошел в зал через зрительский вход, задержавшись лишь на секунду у дверей: «Постой, я штаны подтяну», — сказал он своему спутнику. Подтянул — и вошел. И вышел на сцену под аплодисменты. Поздоровался и начал читать стихи:

Дай Бог слепцам глаза вернуть
И спины выпрямить горбатым,
Дай Бог быть Богом хоть чуть-чуть,

Но быть нельзя чуть-чуть
распатым.

Дай Бог не вляпаться во
власть...

Он так и простоял весь вечер — два часа — на сцене, в серебристой нависшей рубашке, лишь иногда подливая себе чайку из чайника, стоявшего на низком журнальном столике. Новые стихи оставляли странное ощущение — от смеси политиканства, недорогой театральности с вдруг пробивающимися лирическими, довольно чистыми нотами.

За первым стихотворением последовало прерванное аплодисментами «Со мною вот что происходит...». Евтушенко обогривая всякое слово, и, на мой взгляд, зря он отказался от сбивающей рифму пары *денусь-соединенность* в финале в пользу позднее найденной *осатаненности-соединенности*. «Быль про мед» была прочитана с прыжками у микрофона. Артистизм, который, безусловно, составляет часть натуры Евтушенко, проникающий в самые его демонстративно-сक्रовенные и интимно-лирические ранние стихи, увы, так и не нашел выражения в актерстве на сцене

и в кино (роль Циолковского — из разряда исключений), и теперь выходит паром в актерстве-поэзии (невозможное сочетание). Чтобы прийти к истине «политика — игра без правил» (строчка из нового стихотворения), едва ли стоило писать тоже читавшееся на вечере «Любимая, спи...».

Я послал записку. Вопрос был почти провокационным — я спрашивал, написал ли что-нибудь Евтушенко на смерть Рождественского. Имел в виду, конечно, старинный анекдот про телефонный звонок Евтушенко кого-то из известных (не помню имени):

— Женя, час назад умер Андрей Дмитриевич...

— Тогда — пока. Пошел писать стихи.

Записка не дошла еще. Евтушенко вдруг посмотрел куда-то вдаль, вверх, вниз, подошел к микрофону: «Некоторое время тому назад умер мой друг, Роберт Рождественский. Он был в затишном кризисе, писал долгие годы риторические газетные стихи, а перед смертью вдруг снова его как прорвало, расписался снова. Написал несколько лирических стихотворений... В день его похорон я написал стихи «Последние слезы». Начал читать. Есть довольно сильные строчки.

Порой в это трудно поверить, но в стихах строчками пробивается: он все про себя понимает.

А как нам быть, не гениальным,
Но все-таки — многострадальным...

Роберту Рождественскому было посвящено и стихотворение («Шестидесятники» («К счастью, он успел его услышать»). «Сейчас стало модным среди некоторых молодых литераторов поносить шестидесятников... А я горжусь, что принадлежу к поколению Ггарина, Шухмина, Тарковского... И не дожидаясь, пока нас кто-нибудь прославит, я решил это сделать сам», — предварил чтение Евтушенко и прочел стихотворение, заканчивавшееся словами — наотмашь: «Все равно мы — легендарные, оплеванные, но бессмертные».

Записки из зала были такими, что даже дали повод выступавшему поделиться с публикой выношенным суждением о том, что «не самые умные люди в зале пишут записки».

— Где вы были, когда били простых тружеников?

— А я — не труженик? Это вы за меня написали стихотворение

«Наследники Сталина», это вы за меня написали «Бабий Яр», вы за меня писали письмо Хрущеву с протестом против ввода танков в Прагу? (завелся, почти кричит). Почему вы смеете оскорблять русского поэта?!

— С какими известными людьми вы знакомы?

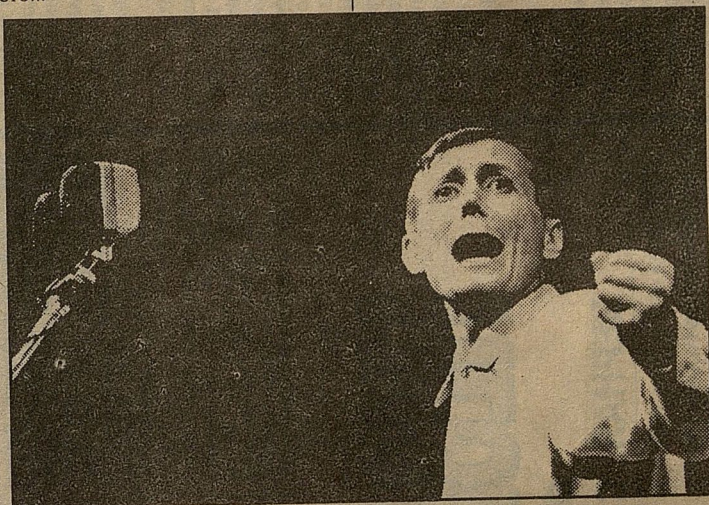
— ...
— Вы любите людей?

— Ну, иногда мы как дети просто...

вал автографы на принесенных зрителями книжках и снова отвечал на вопросы. В ответ на еще один наш вопрос он ответил, что сегодня у него есть несколько прозаических замыслов: «В поэзии я могу держать какую-то планку. А прозаик я молодой, поэтому я считаю, что перспективы у меня, может быть, очень большие в кинематографе и в прозе».

— Что это будут за романы?

— В чем-то как этот («Не

И так всю жизнь. Год 1963.

— Вы считаете себя талантливым человеком?

— Да, считаю.

— Ваш любимый поэт?

— Пушкин.

На вопрос «НГ» о кинопланах поэт Евтушенко сказал, что ко времени своей поездки по Сибири у него было пять готовых сценариев, что он также хотел бы снять фильм по своей повести «Ардабиола», когда-то опубликованной в «Юности». И только один сценарий, «Донья Кихота», принят недавно в производство в Англии. По сюжету жена члена английского парламента бросает мужа, становится бомжем, живет где-то под мостом и в бреду воображает себя Дон Кихотом. Сценарий был написан Евтушенко для великой английской актрисы Ванессы Редгрейв, «а так, конечно, такая история вполне могла произойти и в семье российского парламентария».

В конце двухчасового вечера по просьбам публики было прочитано стихотворение «Игут белые снега...». Затем Евтушенко в фойе второго этажа кинотеатра разда-

Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

умирай прежде смерти». — Г.З.). Некоторые называют его политическим. Я так не считаю. В нем много любви...

Евтушенко также рассказал, как перед своим приездом в Новосибирск он предложил одному местному издательству свою книжку: «Они отказались. Что же они тогда будут говорить молодым, никому не известным поэтам?!

На вопрос об октябрьских событиях прошлого года Евгений Александрович сказал, что он «ничем никогда не поддержал того, что случилось в прошлом октябре. Это было для меня трагедией. Сейчас я пишу об этом небольшую поэму». Многие интересовались подготовленной Евтушенко уникальной «Антологией русской поэзии» — скорее всего, она выйдет еще в этом году, объемом 110 печатных листов.

По возвращении в Москву после серии зарубежных презентаций своего романа Евгений Александрович пообещал дать «НГ» специальное интервью.